

Глава VI

КЮЛЯЛАШСКИЙ ПОГОСТ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIV–XV ВЕКОВ

Комплекс Кюлялахти представляет собой единственный из всех известных в настоящее время погребальных и поселенческих памятников Карелии XIV–XV веков, о котором существуют сведения в письменных источниках того времени — в Новгородской I летописи и трех берестяных грамотах. Более того, информация, содержащаяся в этих текстах, является базовой для изучения исторических процессов на данной территории, реконструкции системы ее взаимоотношений с Новгородом, то есть вопросов, вполне традиционных для историографии. В контексте открытых археологических материалов они приобретают во многом новое содержание. В этой связи при публикации археологических комплексов представляется необходимым провести анализ письменных источников, связанных с данным конкретным местом.

Впервые после текста Ореховецкого договора 1323 года карельские погосты упоминаются в записи Новгородской I летописи под 1396 годом¹. В известии о нападении «немцев» (шведов) на Северное Приладожье содержится принципиально важная информация. Во-первых, впервые упоминаются погосты Кюрьескыйи, то есть Куркийоки — будущий Богородицкий Кирьяжский погост, и Кюлоласкыйи, то есть Кюлялахти. Во-вторых, в тексте упоминается о сожжении церкви.

Термин «погост» является фундаментальным понятием в изучении территориально-административной системы Северной Руси на протяжении всей эпохи Средневековья. Поэтому раскрытие его содержания в тот или иной хронологический период является традиционной темой исследования в отечественной историографии. Обычно исследователями подчеркивается некоторый дуализм термина «погост», а именно: различаются погост-место и погост-округ. Если под погостом-местом понимается конкретный населенный пункт, то в случае с погостом-округом речь идет об определенном территориально-административном образовании, а также одновременно и о церковном округе, где главная церковь расположена в погосте-месте и, в свою очередь, дает название всему округу. В значительной степени знания

¹ «В лето 6904 <...> Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескыйи и Кюлоласкыйи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелюю гнася по них, и язык изима и присла в Новьгород» [НПЛ младшего извода: 387; Софийская первая: 250].

о погостах новгородского времени строятся на определенной экстраполяции реалий конца XV века и позднее, содержащихся в документах московского периода, на более раннее время.

Очевидно, что при всех региональных различиях за термином «погост» в летописных источниках стоит определенное образование — округ с центральным поселением, являющимся низовой единицей территориально-административного деления. Для изучаемого региона изучение истоков и процессов формирования этого территориально-административного деления — ключевой вопрос.

В рассматриваемом летописном известии упоминается о сожжении церкви, но в каком именно из двух погостов это случилось, не указывается. Согласимся с высказанным мнением, что церковь была сожжена именно в Кюлялашском погосте [Пулькин, Захарова, Жуков 1999: 26]. В писцовой книге Водской пятины 1500 года описан Кирьяжский Богородицкий погост с церковью Рождества Богородицы. В Кюлялахти церковь не упомянута, существует лишь Кюлялаская перевара с деревнями «Кюлолакша, над лахтою над Кюлолакшскою» и «Харитонов след в Кюлолакше над лахтою» [Переписная книга 1852: 122]. Следовательно, в XV веке церковь в Кюлялахти уже не существовала. При этом при раскопках могильника никаких следов строения, которое могло бы быть интерпретировано как остатки церкви, и вообще следов подобного строения вблизи могильника обнаружено не было. Могильник расположен на наиболее возвышенной части холма и вместе с тем относительно ровной поверхности. Скалистый мыс Калмистонизми мало пригоден для постройки даже небольшого сооружения. Приходится констатировать, что пока церковь в Кюлялахти как археологический объект не известна.

Рассмотренное выше летописное известие дополняется текстом берестяной грамоты № 248, имеющей ключевое значение для изучения контекста событий в Корельской земле на рубеже XIV–XV веков¹. Грамота была найдена экспедицией А. В. Арциховского в 1956 году в Неревском раскопе в слое 5 или 6 яруса [Арциховский, Борковский 1963: 72–73]. Горизонт находки датирован 1396–1422 годами. Уже в первой публикации А. В. Арциховский отметил, что грамота представляет собой начало довольно важного государственного документа, адресованного «Господину Новгороду», что на бересте было встречено впервые [Арциховский 1958: 234]. Практически сразу после публикации текст данной грамоты привлек внимание И. П. Шаскольского [Шаскольский 1963: 71–75]. Позднее многие авторы обращались к данному документу в исследованиях как истории собственно Карелии, так и взаимоотношений Новгорода с периферийными районами. В тексте грамоты содержится несколько принципиально важных моментов. Во-первых, очевидно, речь в нем идет именно о тех событиях, о которых говорит и лето-

¹ Беють челом корила Погоская, Кюлолаская и Кюриеская Господину Новгороду. Приобижены есмь с немецкой половине. Оцтина наша и дидена <...> а у нас оу Вымолчовъ господь, а имали кречетея <...> мопь и вьржи пограбиле, а сами есмь <...> ина <...> алуи 10, а оу <...> [Арциховский, Борковский 1963: 72–73].

пись под 1396 годом [Шаскольский 1963: 74–75]. Во-вторых, в тексте речь идет от лица корелы «Погоской, Кюлолаской и Кюриеской», то есть представителей определенных территориальных образований.

Не вызывает сомнений место обитания корелы «кюлолаской» и «кюриеской» (Кюлялахти и Куркийоки). Сомнение у многих авторов, в том числе у И. П. Шаскольского, вызвала локализация «корелы погостской». Он предложил довольно оригинальное объяснение этим словам. По его мнению, термин «Корила погоская» (то есть «Корела погостская») — это население той части Карелии, которая входила в состав собственной территории Новгородского государства и в такой же мере, как и русские местности Новгородской земли и области води и ижоры, имела деление на погосты. В термине «корела погостская» содержится противопоставление карельского населения, живущего на собственной территории Новгородского государства (на территории новгородских погостов), и карел, живущих на северной периферии новгородских владений, на пространстве между Белым морем и Ботническим заливом, где не было деления на погосты [Шаскольский 1963: 72].

Впоследствии данная точка зрения не была оспорена, а многие исследователи упорно писали о том, что в тексте берестяной грамоты содержатся сведения всего о двух погостах — Кюлялашском и Курийокском. Этот вопрос имеет принципиальный характер. Предположение И. П. Шаскольского о том, что термин «погостская» — это определение к последующим двум именам собственным, по меньшей мере странно. В каких-либо иных письменных источниках не содержится определения населения Северо-Западного Приладожья как «погостского», подразумевающего его принадлежность к владениям Великого Новгорода. Для этого использовались иные термины, к примеру, в XIV веке — «Корельская земля». Кроме того, рассматриваемый документ — это официальная жалоба на грабежи иноземных отрядов и перечисление понесенных от этого убытков. Разумно и по-человечески понятно. Совершенно не ясно, таким образом, причем здесь противопоставление себя и населения далекого Беломорья. Не исключено, что такая юридическая практика существовала в средневековом документообороте, но каких-либо следов ее неизвестно. Таким образом, предположение И. П. Шаскольского сегодня выглядит несколько надуманным.

На мой взгляд, в рассматриваемом документе содержится обращение от населения конкретных административных округов. В этом случае за термином «корела погостская» следует видеть население одного из них. Вероятно, существовала устоявшаяся практика именования различных групп корельского населения по аналогии с «корелой кобылицкой» или «семидесятской» из ряда источников.

Обращает на себя внимание то, что перечисление местностей в документе идет с запада на восток, точнее с юго-запада на северо-восток, а «кюлолаская» корела живет между «погостской» и «кюриеской», иными словами, к юго-западу от Кюлялахти, то есть в районе города Корела — центра будущего Воскресенского Городенского погоста. До конца XV века поселение

именовалось не Корелой, а «Корельским городком» [Кирпичников 1979: 127]. «Городок» был центральным поселением Городенского погоста — места, расположенного как внутри («город»), так и вне городских стен, при этом его название, по устойчивому правилу, переносилось на всю округу. Можно предположить, что речь в берестяной грамоте № 248 идет о населении будущего Городенского погоста XVI века — округи Корельского городка, то есть о трех, а не о двух погостах, существовавших в Приладожье на рубеже XIV–XV веков.

Еще одним принципиальным моментом, содержащимся в тексте грамоты № 248, является обращение к «Господину Новгороду» от лица «Вымолцев господ». Уже в статье 1963 года И. П. Шаскольский обратил внимание на то, что документ впервые прямо подтверждает существование одного из «пяти родов корельских детей», известных по источникам XV века в Беломорье, в XIV веке на основной карельской племенной территории — в Приладожье. По его мнению, «корельские дети», то есть карельское население Западного Поморья, появились в этой местности в результате переселения (видимо, в течение XIII–XIV веков) с основной карельской племенной территории — с карельских погостов Северо-Западного Приладожья. Оттуда же карельские переселенцы принесли с собой и деление на пять родов; для XV века существование этих родов было, очевидно, пережиточной формой древнего, уходящего в глубь веков деления карельского племени на пять родов [Шаскольский 1963: 73–74].

Позднее А. А. Зализняк предложил прочтение данного документа как написанного от лица «Вымолцев господ», то есть не всего населения данной территории, а родового нобилитета, что является, по его мнению, конкретным свидетельством вовлечения местной племенной знати в систему административно-политического властвования Новгорода в Корельской земле [Янин, Зализняк 1986: 197]. Таким образом, текст берестяной грамоты № 248 однозначно и недвусмысленно на русском языке (титул «Господа») указывает на наличие в Северо-Западном Приладожье в конце XIV века карельского родового нобилитета, обладающего значительной (по региональным меркам) собственностью.

В этой связи особый смысл приобретает информация, содержащаяся в другой «карельской» берестяной грамоте — № 130, найденной в слое 6 яруса Неревского раскопа (1396–1409 годы)¹. Обычно текст данного документа рассматривается в связи с изучением вопроса о даннических отношениях Новгорода и Карелии, поскольку в нем перечислена дань, которая должна быть выплачена в определенном количестве локтей серого некрашеного сукна — «сери» в переводе А. А. Зализняка [Янин, Зализняк 1986: 112].

Интерес вызывают карельские имена данников, прокомментированные Е. А. Хелимским [Хелимский 1986: 256–258]. В контексте предлагаемого исследования наибольший интерес вызывает имя «Валит» и место проживания

¹ У Вигаря 20 локото хери безо локти. У Валита в Кюлолакши 14 локти хери. У Ваиваса у Ваякшина 12 локти водмолу и полотретиянацате локти хери. У Мелита в Куроле 4 локти хери [Арциховский, Борковский 1958: 66].

ния этого человека — «Кюлолакша». Важнейшим является то обстоятельство, что имя Валит в источниках выступает не только как имя собственное (обычно в литературе упоминаются Валит-корелянин, Иван Федорович Валит, данный Валит из грамоты № 130), но и как титул, означающий принадлежность этого человека к высокому социальному сословию.

Не исключено, что древнейшим упоминанием о правителях Карелии являются сведения известной саги «О Хальфдане Эйстенссоне», текст которой неоднократно рассматривался в связи содержащимися в нем уникальными историко-географическими сведениями о Северной Руси¹ [Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1996]. Указанный документ является сложным для анализа и противоречивым источником, поскольку древнейшая рукопись саги датирована рубежом XIV–XV веков, а сведения, содержащиеся в ней, относятся, видимо, к XI веку и зачастую носят полулегендарный характер. Тем не менее, несмотря на разницу в толкованиях саги, большинство исследователей сходится во мнении, что за топонимом «Кирьялаботнир» (буквально «Карельские заливы»), упоминаемым в тексте рассматриваемого документа, а также в ряде других древнескандинавских источников, следует видеть коренную территорию расселения средневековой Корелы — от побережья Выборгского залива до изрезанного шхерами северного берега Ладоги и, возможно, несколько восточнее вплоть до Онеги. Упоминание в саге «О Хальфдане Эйстенссоне» карельского правителя — правителя «Кирьялаботнир» — с характерным именем Валь, обладающего значительными богатствами, а также (что примечательно) мечом, может быть, и носит полулегендарный характер, но, очевидно, может стоять в одном ряду с другими упоминаниями о карельских Валитах как представителях местной социальной верхушки.

То, что Валиты как представители средневековой корелы, обладали особым социальным статусом, подтверждают сведения новгородских летописей. Пожалуй, наиболее известным и часто упоминаемым в литературе сюжетом, связанным с их деятельностью, являются события 1337–1338 годов в Кореле² [Шаскольский 1987: 142]. Основной участник этих событий Валит Корелянин имеет титул «воевода», что может говорить об уже сложившейся к данному времени интеграции части карельского населения в социально-политическую структуру Новгорода, при этом обладающей определенной независимостью и имеющей возможности противостоять ей.

¹ Валь убил Свиды и подчинил себе Кирьялаботнар. Он получил так много золота, что его невозможно было сосчитать, и взял он его у великана Свади, который жил в той горе, что называется Блесанерг; это к северу от Думбсхаф. Свади был сыном Аса-Тора. Валь владел тем мечом, который назывался Хорнхьялти, он был изукрашен золотом и всегда разил в уязвимое место (цит. по: [Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1996]).

² В лето 6845. Приидоша Немци к Корельскому городу с многою силою; бяше в городе тогда воевода Валит Корелянин, и доспе Валит перевел с Немци и предал город Немцам; Немци же начаша городом владети. Новгородцы же уведавши, с всею силою своею сташа под городом июля в 3 день, в осмый же день приступиша к городу; и Валит доспе перевел к Новгородцем, и отвори город, Новгородцы же взяша свой город июля в 8, в полъдни, а немец избиша, а иных извешаша [Софийская первая летопись: 220].

В этой связи крайне важным представляется текст предания о Валите, записанного московскими послами около 1592 года¹. Как отмечает С. И. Кочкуркина в публикации «Письменных известий о карелах», в Российском государственном архиве древних актов в подборке материалов 1614 года, касающихся русско-датских переговоров о Лапландии, обнаружен полный текст предания о Валите: «Опросные речи данщиков и которые лю/ди/з данщики в Лопи езживали и всяких людей старожилцов, которые сказались в Л/о/пской земли знатцы и про рубежи им ведомо, сказывали послом князю Семену Звенигородскому с товарищи» [Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1996]. Важно отметить связь и активную деятельность Валита в регионе Белого моря, именно там, где по документам XV века будут упоминаться «пять родов карельских детей». Для нашего исследования интересным представляется то, что представители одного из этих родов — Вымолцы — были зафиксированы за несколько десятилетий до упоминания в купчих Соловецкого монастыря, на территории Северо-Западного Приладожья, согласно тексту берестяной грамоты № 248, и уже тогда имели титул «Господа».

Наиболее распространенная гипотеза о происхождении титула «Валит» — что данное слово является русской огласовкой древнекарельского “*vaali*” — выборы. То есть в титуле содержится информация о выборном характере должности Валита, хотя не исключено, что ее могли занимать представители определенных семейств, и, таким образом, с течением времени слово «валит» стало не только обозначать титул некоего главы социума, но и использоваться как имя собственное.

Возвращаясь к тексту берестяной грамоты № 130, необходимо обозначить еще один важный момент: в ней упоминается слово «*водмол*», 12 локтей которого должен заплатить некий Ваивас Ваякшин. Согласно приведенному при первом издании грамоты комментарию П. Аристэ, слово «*водмол*» нижненемецкого происхождения и обозначает домотканую шерстяную материю, то есть продукт импортного происхождения [Арциховский, Борковский 1958: 67]. Мы не знаем где жил Ваивас, но Валит жил в Кюлалакше, а упоминаемый последним в тексте некий Мелит (или тоже Валит?) жил в Куроле — поселении, локализуемом на острове Килпола. Остров Килпола расположен всего в 4 км к юго-востоку от Кюлялахти. Можно предполо-

¹ Жил некогда в Кореле, или Кексгольме, знаменитый Владетель именем Валит, или Варент, данник великого Новагорода, муж необычной храбрости и силы: воевал, побеждал и хотел господствовать над Лопью, или Мурманскою землею. Лопари требовали защиты соседственных Норвежских Немцев; но Валит разбил и Немцев, там, где ныне летний погост Варенгский, и где он, в память векам, положил своими руками огромный камень в вышину более сажени; сделал вокруг его твердую ограду в двенадцать стен и назвал ее Вавилоном, сей камень и теперь именуется Валитовым. Такая же ограда существовала на месте Кольского острога. Известны еще в земле Мурманской Губа Валитова и Городище Валитова среди острова или высокой скалы, где безопасно отдыхал витязь Корельский. Наконец побежденные Немцы заключили с ним мир, отдав ему всю Лопь до реки Ивгея. Долго славный и счастливый, Валит, именем Христианским Василий, умер и схоронен в Кексгольме в церкви Спаса; Лопари же с того времени платили дань Новугороду и Царям Московским.

жить, что Ваивас жил где-то неподалеку. Вывод из этого может быть следующим: если эти люди обладали импортной шерстяной тканью в количестве, достаточном в том числе и для уплаты дани, то они могли располагать и другими импортными вещами, к примеру ганзейскими серебряными фибулами с рукопожатиями, обнаруженными в погребениях могильника Кюлялахти.

Это крайне редкий случай в средневековой археологии Новгородской земли, но вполне вероятно, что среди мужских погребений могильника Кюлялахти есть погребение и упоминаемого в берестяной грамоте № 130 Валинта. Датировка грамоты, хронология могильника и исторический контекст совпадают.

Нам известно имя еще одного человека, который жил, возможно, в Кюлялахти в конце XIV века. Это дьяк Филипп, упоминаемый в берестяной грамоте № 278¹. Грамота найдена в слое 8 яруса (1369–1382 годы). В. Л. Янин заметил, что ее почерк в деталях совпадает с почерком бересты № 286, следовательно, эта запись сделана Григорием, занимавшимся сбором дани на карельской территории [Янин 1975: 67]. Прямого упоминания Кюлялахти в грамоте не содержится, но в тексте отмечены 3 топонима: Ландикола, Ноя и Курола. Курола упоминается в рассмотренной выше грамоте № 130 — это поселение на острове Килпола. Ландикола — это, весьма вероятно, огласовка двух слов: “lahti” и “kyla”, переставленных местами, то есть “kylalahti” — «Кюлялахти». Не исключено, что грамота № 278, вслед за грамотой № 130, представляет собой роспись даней с нескольких деревень Кюлялашского погоста. В этом случае упоминание дьяка — церковного причетника свидетельствует о наличии церкви. Церковь в это время была именно в Кюлялахти.

Таким образом, в берестяных грамотах № 130 и 278 не только упоминаются собственно Кюлялахти (в первом случае однозначно, во втором — более чем вероятно) и конкретные имена людей, живших там в конце XIV века, в то время когда там функционировал могильник с трупоположениями, но и очерчен определенный податный округ с центральным погостом и церковью. Я предполагаю, что в этот округ входили поселения по берегам залива, имеющего современное название Тиуруланселька, и на близлежащем острове Килпола.

Итак, рассмотренный комплекс письменных источников дает основания сделать следующие выводы:

1. Во второй половине XIV века в Кюлялахти существует крупное поселение с церковью. Видимо, это поселение локализуется в центральной части холма Калмистомяки, где шурфовкой обнаружен мощный культурный слой, но археологически это поселение пока не изучено.

¹ У Икагала у Кривца 3 куннице. У Иголаи дове и в Лаидиколе полорубля и 2 куннице. У Леинуя в Лаидиколе 6 бело. У Филипа у деяка 30 бело. У Захарии и в Калинина полосорока и 5 и 5 бело. У Сидуя у Авиници 4 кунници. У Миките Истовной у Еванова 6 кунници. У Муномела в Куроле у Игалина брата поло и 2 куннице. У Лег <...> (текст по [Арциховский, Борковский 1963: 104]).

2. Это поселение-погост в летописной записи 1396 года являлось центральным для определенного податного округа.

3. Среди людей, живших в то время в Кюлялахти, упомянут Валит. Это имя может быть не только собственным, но и неким титулом, означающим главу общины, старейшину, в любом случае человека, имеющего высокий социальный статус. Это заключение дополнительно подтверждается текстом грамоты № 248, которая написана от лица «Вымолцев господ», жалующихся Господину Великому Новгороду на разорение Кюлялашского и Курийокского погостов, следовательно, имеющих там владения. Вымолцы спустя столетие будут упомянуты как один из «пяти родов карельских детей», имеющих обширные владения в Прибеломорье [Грамоты Великого Новгорода и Пскова: № 296–298, 300–304].

В связи с темой «пяти родов карельских детей» нужно сделать небольшое отступление. Крайне важной представляется их локализация на коренной территории *корелы*. К этим родам относились: рокульцы, вымолцы, валдольцы, тиврульцы и курольцы. Местоположение владений рокульцев известно достаточно хорошо — это среднее течение Вуоксы, в районе Ряйсяля (совр. Мельниково) и Ховинсаари (совр. Кротово), где была усадьба землевладельца Григория Рокульского [Куцjo 1958: 18–19]. Это поселение было изучено А. И. Сакса в 1987–1988 годах [Saksa 1998: 103–105]. В данном районе зафиксирована одна из наиболее крупных в Карелии концентрация археологических памятников железного века — Средневековья, в том числе крупнейший до недавнего времени могильник Тонтинмяки, материалы которого являются опорными в изучении карельских древностей данного периода. Но крайне важно то, что остальные четыре «рода» локализуются именно в Северо-Западном Приладожье, где известны поселения Viimola (Вымолцкий наволок, находящийся именно в Кулласской переваре [Переписная книга 1852: 122]), Valtola (в районе озера Вейяла, где в 1564 году была построена первая церковь в Хиитола), Tiugula (Тиурула, на противоположном от Кюлялахти берегу залива, куда, видимо, было перенесено место церкви после разорения 1396 года и где оно существовало до июля 1941 года) и, наконец, уже упоминавшаяся неоднократно Kurola на острове Килпола.

4. Наконец, наличие церкви и причта во второй половине XIV века несомненно свидетельствует о контроле над погребальной обрядностью местного населения. Могильник Кюлялахти — это кладбище при погосте, центральное для данного округа. Вероятно, в центральной части могильника были погребены представители местной социальной элиты. Черты погребальной обрядности, археологически зафиксированные в комплексах памятника, демонстрируют, как именно выглядел христианский обряд погребения в этом регионе Новгородской земли в данный период.